

„Псиша“.

(Театръ Незлобина).

Какое это таинственное и неуловимое умѣние—воскрешать духъ временъ минувшихъ, вызывать вновь и вновь эхо, отзвучавшее въ старинныхъ залахъ, заблудившееся и замолкшее въ тѣнистыхъ бо-скетахъ! Въ чемъ она, эта таинственная сила, способная вызвать въ потускнѣвшемъ зеркалѣ неясный, но чарующій образъ былого, когда-то отразившійся при трепетномъ дрожаніи давно уже померкшей свѣчи?

Почему волнуютъ насъ картины Мусатова и Сомова, акварели Бенуа, романы Мережковского, явивныя пѣсенки Кузмина? И почему оставляютъ холодными рисунки Самокишъ-Судковской, историческія повѣсти изъ „Нивы“ и пьесы, подобныя той, что шла вчера у Незлобина?

Очевидно, недостаточно почерпнуть языкъ въ эпитафіяхъ и манифестахъ; недостаточно пустить въ ходъ „робы“, „латиметровъ“, „изрядныхъ танцоровъ“, „перспективы“, „драгихъ смѣянныхъ“, недостаточно даже, на самомъ дѣлѣ знать эпоху, какъ, навѣрно, знаетъ ее Ю. Бѣляевъ. Нѣтъ, очевидно, необходимо то художественное прозрѣніе, которое воспринимаетъ стиль не въ архивныхъ изысканіяхъ и не въ музейныхъ перечняхъ, а свободно возсоздаетъ его, творчески переживая духъ былой эпохи. Этого творческаго переживанія, этого волшебнаго прикосновенія руки художника въ пьесѣ Бѣляева не чувствуется. И поэтому „Псиша“, несмотря на

всю историческую освѣдченность автора, несмотря на его безспорное умѣние „дѣлать“ пьесы, несмотря на присущее ему сценическое краснорѣчіе (а можетъ быть, отчасти и благодаря ему),—не принадлежитъ къ истинному искусству.

Пьесѣ предшествуетъ прологъ, обращеніе автора къ актрисамъ былыхъ временъ, въ прославленіе которыхъ сочинена „Псиша“. И этотъ прологъ не позволяетъ уже намъ смотрѣть на пьесу просто, какъ на сцены изъ быта крѣпостныхъ актрисъ. Этотъ прологъ обяываетъ, онъ вводитъ героическій элементъ, онъ оттѣсняетъ на задній планъ лирику и значительно выдвигаетъ искусственность положеній, вагнеровія паюсъ событій паюсомъ авторскаго краснорѣчія.

Въ пьесѣ Ю. Бѣляева изображена придворная актриса изъ отпущенныхъ на волю крѣпостныхъ — Лиза Огонькова, Псиша. Влюбленная въ „изряднаго танцора“ Ивана Плетня, она сумѣла заинтересовать въ своей судьбѣ секретаря императрицы и пріѣзжаетъ въ Пріятное, чтобы испросить у помѣщика Калугина разрѣшеніе на бракъ съ Иваномъ. У помѣщика въ „барскихъ барыняхъ“ состоитъ дворовая дѣвка

Степанида, которая склонила Ивана стать ея „полюбовникомъ“ и поэтому всѣми силами противится его браку съ Лизой. Чтобы не допустить этого брака, Степанида рѣшается признаться помѣщику въ своей связи съ Иваномъ. Ивана ждетъ тяжелая кара, но до барскихъ именинъ, на которыхъ онъ долженъ плясать, его щадятъ. Лиза рѣшается бѣжать съ Иваномъ съ праздника, и въ этомъ ей способствуетъ вольнодумный дворянинъ Незнаевъ. Бѣглецовъ ловятъ, и Калугинъ собирается подвергнуть Ивана особенно жестокому и утонченному наказанію. Но въ это время пріѣзжаетъ гонецъ отъ императрицы съ письмомъ, въ которомъ императрица благодаритъ Калугина за то, что онъ подарилъ придворному театру Ивана, что для Калугина, конечно, является полной неожиданностью. Перечить волѣ императрицы нельзя, и счастье Псиши устроено.

Роль Псиши играла г-жа Вадимова, и играла ее хорошо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовалось изобразить легкомысленное жеманство крѣпостной актрисы. Мало выразительными, даже слегка деревянными были моменты, гдѣ должно было дать скорбь и горестное волненіе.

Въ роли Ивана г. Лихачевъ ничего не прибавилъ къ тому, что мы уже привыкли видѣть въ немъ. Костюмъ амура, въ которомъ онъ появляется въ пантомимѣ передъ бѣгствомъ, смѣшонъ, и благодаря этому одѣянію особенно ясно, что г. Лихачевъ не обладаетъ пластикой, необходимой для изображенія „русскаго Вестриса“.

Много хорошаго далъ г. Нелидовъ въ роли помѣщика Калугина. Хорошъ гримъ, хороша интонація жестокаго старческаго сластолюбія. Въ исполненіи г-жей Миткевичъ роли Степаниды чувствовалось много

работы, но лицо и жесты какъ-то отставали отъ интонаціи, оставляя досадное впечатлѣніе скованности и неподвижности.

Управляющаго Калугина, по прозвищу „Турка“, жестокаго человѣка, по своему увлеченнаго искусствомъ сцены, превосходно игралъ г. Гривинскій. Это была самая живая и интересная фигура вчепашнаго спектакля.

Танцы крѣпостныхъ актрис поставлены съ большимъ тщаніемъ, и многотрудная сцена праздника въ паркѣ проходитъ красиво. Декорація во многомъ удалась г. Арапову.

Юрій Бѣляевъ умѣетъ писать во вкусъ большой публики. Въ пьесѣ его имѣется и чувствительныя и забавныя мѣста, есть даже призывъ къ свободѣ, правда, въ давнопрошедшемъ времени. Поэтому весьма понятенъ шумный усѣхъ, выпавшій вчера на долю автора „Псиши“, которому пришлось много разъ выходить на вызовы публики.

АЛЕКСАНДРЪ КОЙРАНСКІЙ.